

В. Е. ГУСЕВ

О фольклоризме русской литературы XVII в.

Фольклор вливался в русскую литературу XVII в. широким потоком. Факт этот, неоднократно отмеченный исследователями, не получил еще, думается, удовлетворительного объяснения, а самый процесс взаимодействия фольклора и литературы во всей его полноте и сложности не был еще предметом специального анализа. Вместе с тем всякий, кто пожелал бы сказать в этой области новое слово, должен будет признать, что основные особенности фольклоризма переломного периода в истории русской литературы проницательно охарактеризованы В. П. Адриановой-Перетц.¹ Ею же содержательно сформулирована сущность взаимоотношения фольклора и древнерусской литературы в целом как «проблема соотнесения двух мировоззрений и двух художественных методов, то сближавшихся до полного совпадения, то расходившихся по своей принципиальной непримиримости».² Эта формулировка применительно к XVII в. могла бы быть конкретизирована с учетом изменений, происшедших в социальной структуре русского общества, а соответственно — изменений в идеологической структуре литературы и фольклора. Теперь речь может идти уже не о двух противоположных методах и двух противоположных мировоззрениях, а о более сложном соотнесении мировоззрения разных социальных слоев, по-своему выражаемого в фольклоре и в литературе. Вряд ли можно говорить о едином художественном методе для всей литературы XVII в., и во всяком случае — о едином художественном методе для всего фольклора XVII в.³ Не точнее ли было бы сказать, что литературу и фольклор XVII в. характеризуют различные системы художественных методов и что суть проблемы взаимоотношений между литературой и фольклором той эпохи составляет характер взаимодействия этих двух систем?

Бесспорно, обращение писателей XVII в. к фольклору обусловлено прежде всего общим процессом демократизации древней русской литературы. Именно в эту пору в письменности непосредственно выражается

¹ В. П. Адрианова-Перетц. 1) Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. Л., 1937; 2) Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов, статьи и комментарии В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»); 3) Исторические повести XVII века и устное народное творчество. — ТОДРА, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 67—96; В. П. Адрианова-Перетц и Д. С. Лихачев. Русская демократическая поэзия XVII века. — В кн.: Демократическая поэзия XVII века. М.—Л., 1962 (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание).

² В. П. Адрианова-Перетц. Древнерусская литература и фольклор. (К постановке проблемы). — ТОДРА, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 5.

³ См. об этом: В. Е. Гусев. Эстетика фольклора. М.—Л., 1967, стр. 238—246.

идеология определенных слоев русского общества, которая ранее находила непосредственный выход лишь в устной поэзии. Естественно, что писатели демократического направления черпают в фольклоре темы, сюжеты, образы, средства художественной изобразительности. Но знаменательно, что к фольклору охотно обращаются не только авторы, связанные с городским посадом, но и писатели, принадлежавшие к боярской и дворянской среде, — от Авраамия Палицына до Г. А. Квашнина-Самарина (особенно характерно в этом отношении «Послание дворянина к дворянину» И. Фуникова).⁴ При этом, в отличие от преимущественно стихийного фольклоризма средневековой письменности, в XVII в., по наблюдению Д. С. Лихачева, имеет место «вполне сознательное обращение к фольклору, к фольклорным произведениям как к определенному стилю».⁵ Изменяется, следовательно, идеологическая и эстетическая функция фольклора в литературном процессе. С расширением и демократизацией самой аудитории, к которой теперь апеллирует писатель, в сознании последнего возрастает значение фольклора как средства воздействия на не слишком искусленного в книжной премудрости читателя.

Проникновение фольклора в русскую литературу XVII в. приобретало самую различную направленность и самые различные формы. В одних случаях переносилась сама идеология народных масс, в других — фольклорные элементы эклектически включались в чуждую массам идеологическую систему. В одних случаях элементы устнопоэтического стиля инкрустировались в инородную стилистическую структуру, в других — достигался органический сплав фольклорной и книжной традиций. В одних случаях писатель использовал какой-нибудь один фольклорный жанр, в других — синтезировал элементы разных жанров, создавая сложное по жанровой природе произведение («Повесть о Горе и Злочастии»). Сама жанровая система литературы XVII в. находится в определенной зависимости от процесса ее фольклоризации. Появление новых жанров Д. С. Лихачев объясняет отчасти «вакуумом, созданным отступлением фольклора из повседневног быта русского общества».⁶ Но характерно, что такое «отступление» имело своим следствием своеобразное «наступление», вторжение фольклора как раз в сферу этих новых жанров — и в области сатирической повести, и в области авантюрной повести, и в области любовной лирики, и даже в области театрального искусства (интермедии, во многом обязанные фольклору — польскому, украинскому, белорусскому, русскому).⁷

Необыкновенная популярность переводного рыцарского романа и одновременно нарастающий интерес к русскому народному эпосу, побуждающий знатоков былин и сказок не только их фиксировать, но и пересказывать, — эти, казалось бы, столь разные тенденции в литературном процессе — составляют в сущности два встречных потока. Рыцарский роман

⁴ В. П. Адрианова-Перетц. Исторические повести XVII века и устное народное творчество, стр. 74—76; О. А. Державина. К вопросу о художественном методе и поэтическом стиле русской исторической повести XVII века. — Ученые записки Московск. гос. пед. инст. им. Покровского, т. LXVII, вып. VI, 1957, стр. 77—91; А. А. Назаревский. Очерки из области русской исторической повести начала XVII века. Киев, 1958, стр. 14—21; В. П. Адрианова-Перетц и Д. С. Лихачев. Русская демократическая поэзия XVII века, стр. 20—23.

⁵ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. М.—Л., 1967, стр. 79.

⁶ Там же, стр. 64.

⁷ См., например, вступительную статью Н. К. Гудзия в сб.: Українські інтермедії XVII—XVIII ст. Київ, 1960, стр. 29; Паулина Левин. Восточнославянские интермедии. — В сб.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967, стр. 194—205; Paulina Lewin. Intermedia wschodnio-słowińska XVI—XVII wieku. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967.

в итоге приобретает черты богатырского и сказочного эпоса,⁸ а пересказы былин и отчасти сказок приближаются по своей манере к воинской или авантюрной повести.⁹ Принципиальный интерес в связи с последней тенденцией представляют наблюдения и выводы А. М. Астаховой и В. В. Митрофановой, основанные на анализе рукописных материалов XVII—XVIII вв.: «...встречаются тексты, в которых ясно ощущаются следы сознательной литературной обработки. В некоторых текстах она настолько значительна, что их можно рассматривать как повести в подлинном смысле этого наименования».¹⁰ Исследователи убедительно выделили два основных повествовательных типа — «героическую богатырскую повесть» (переработки былин об Илье Муромце, Алеше Поповиче, Михаиле Даниловиче, Сухане) и повествования социально-бытового характера (переработки былин о Потоке, Ставре, Иване Гоудиновиче).¹¹

Фольклоризация русской литературы XVII в. отнюдь не может рассматриваться как однородный в идеологическом отношении процесс. Даже для демократической литературы — идеологически сложной и противоречивой — характерны различные тенденции в использовании фольклора и обращение к различным идейным элементам фольклора. Известно, что неразвитость, незрелость новых общественных отношений, только складывающихся на Руси XVII в., привносила много утопизма в социальные устремления демократических слоев, определяла косность народного быта, консерватизм моральных идеалов. В самом фольклоре отразились противоречия в мировоззрении народных масс той эпохи: их недовольство существующими общественными отношениями, протест, стихийное бунтарство, с одной стороны, и царистские иллюзии, религиозные предрассудки, идеализация патриархального быта — с другой. Это обусловило сложное взаимодействие демократической литературы XVII в. с фольклором; наряду с прогрессивными устремлениями и настроениями в фольклоризме той эпохи явно ощущаются и консервативные, а подчас и реакционные элементы. Зачастую и те и другие тенденции, усиленные в результате взаимодействия фольклора и литературы, оказываются в одних и тех же литературных произведениях неразрывно связанными. Сложный идейный замысел «Повести о Горе и Злочастии» побуждал ее автора ориентироваться не только на былинный эпос и народную лирику, но и на духовные стихи.¹² В Житии протопопа Аввакума, с характерной для него установкой на устный бытовой сказ, в соответствии с противоречивым идейным содержанием этого произведения и общей религиозно-дидактической его направленностью, автор обильно использовал также религиозные и демоно-

⁸ В. Д. Кузьмина. Рыцарский роман на Руси. Бова. Петр Златых ключей. М., 1964. См. также замечание А. И. Шляпкина о близости к фольклору повести о Василии Златовласом (ПДП, вып. 31, СПб., 1882, стр. [I—II]).

⁹ В. И. Малышев. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. М.—Л., 1956. Особой проблемой остается определение природы «Сказания о семи богатырях, ходивших в Царьград», однако мне все же представляется более убедительной в данном случае аргументация В. Ф. Миллера, М. Н. Сперанского, В. Я. Проша и других исследователей, считающих его литературным памятником, созданным на основе нескольких былин. О пересказах сказки см.: М. О. Скрипиль. Народная русская сказка в литературной обработке конца XVII—начала XVIII века. — ТОДРА, т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 308—325.

¹⁰ А. М. Астахова и В. В. Митрофанова. Былины и их пересказы в рукописях и изданиях XVII—XVIII веков. — В кн.: Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. М.—Л., 1960 (серия «Памятники русского фольклора»), стр. 14.

¹¹ Там же, стр. 69—71.

¹² Ф. И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности, т. I. СПб., 1861, стр. 595—597.

логические легенды. Явно ощутима устная демонологическая традиция и в «Повести о Савве Грудцыне» (полеты по воздуху из города в город, посещение царства Сатаны и т. п.); явно фольклорного происхождения в повести и поединок Саввы Грудцына и польского богатыря, над которым герою одерживает победу с помощью беса.¹³

Вместе с тем демократическая литература XVII в. знает случаи смелого обращения к антиклерикальному фольклору и вообще использования устнопоэтической традиции в произведениях социально-обличительного содержания. В этом отношении русская сатира XVII в. остается ярким образцом прогрессивного фольклоризма («Повесть о Шемякином суде», «Повесть о куре и о лисице», «Сказание о попе Савве», «Повесть о Карпе Сутулове», «Сказание о крестьянском сыне» и др.).

В настоящих заметках лишь пунктиром намечен широкий круг разнообразных проявлений фольклоризма XVII в. Не упомянуты многие замечательные произведения, в которых так или иначе обнаруживается общая закономерность — усиление воздействия фольклора на литературный процесс: Повесть об Азовском осажденном сидении донских казаков, Повесть об основании Тверского отрока монастыря, Повесть о Еруслане Лазаревиче, эротические новеллы. Остался в стороне интересный факт своеобразного «оживления» в XVII в. старых литературных памятников с помощью привнесения в них фольклорных элементов — «Александрии», повести о Дракуле, повестей о Николе Заразском.¹⁴ Впрочем, эти заметки и не претендуют на сколько-нибудь полное освещение проблемы — они продиктованы как раз убеждением, что сама тема, которая на первый взгляд может показаться исчерпанной, заслуживает специального синтетического исследования. Такое исследование систематизировало бы и обобщило соответствующие наблюдения, рассеянные в многочисленных работах медиевистов, истолковало бы еще не учтенные факты фольклоризма в литературе XVII в. и объяснило бы то исключительное положение, какое в этом смысле занимает последняя во всем нашем историко-литературном процессе.

¹³ Ср. соответствующие бродячие мотивы, по-своему отраженные в народных книгах о Фаусте: Легенда о докторе Фаусте. Издание подготовил В. М. Жирмунский. М.—Л., 1958, стр. 81—84, 88—97 и др. Любопытно, что и эпизод со старцем, пытавшимся вернуть Савву Грудцына на путь праведный, также находит параллель в народной книге о Фаусте (там же, стр. 121—123). Все это, разумеется, не дает оснований видеть в нашем герое «русского Фауста».

¹⁴ См. об этом, например: Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. — ТОДРА, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 260. Не находится ли в этом же ряду и судьба произведений о событиях отдаленной исторической эпохи, например эволюция повестей о начале Москвы, обогащаемых мотивами местных легенд и преданий. (см.: Повести о начале Москвы. Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. М.—Л., 1964, стр. 133—138).